
Глава 70. Мысли Чжун Цая

В алхимической лаборатории царил беспорядок. Чжун Цай, подперев подбородок ладонью, рассеянно бросил в котел горсть лекарственных трав. Его думы витали где-то далеко, за пределами формул и пропорций.

Раздался глухой хлопок — котел взорвался.

По комнате поплыл едкий запах гари, но юноша даже не поморщился. Он повернул голову, глядя в сторону левого тренировочного зала. Там, скрестив ноги в глубокой медитации, сидел необычайно красивый молодой человек.

Мастер Чжун засмотрелся на него, погружившись в свои размышления. В этот момент У Шаоцянь повернул голову и мягко улыбнулся ему в ответ. Чжун Цай тут же резко отвернулся, выставив в сторону мужа лишь затылок.

«Старина У мне признался... Старина У мне признался... Старина У мне признался...»

Эти слова, подобно навязчивой мелодии, крутились в голове бесконечным вихрем.

Чжун Цай тяжело вздохнул и повалился на спину прямо на пол.

«Старина У. Ему. Признался. В любви»

Он приподнял голову и пару раз легонько стукнулся затылком о доски пола. На душе было смятение. Честно говоря, ему очень хотелось свести это признание к простому «Старина У хочет меня», но он же не был идиотом. В тот момент Шаоцянь был предельно серьезен, и упорствовать в таком легкомысленном понимании было бы просто слишком ветрено.

Чжун Цай снова приложился затылком — звук вышел на редкость звонким.

«Если говорить о том, чтобы переспать... Вообще-то мы оба — молодые мужчины в самом расцвете сил, и наличие определенных потребностей — это нормально. Во время парного

совершенствования я и сам не раз подумывал о том, чтобы сделать это. К тому же Старина У такой красавец, что опыт первой брачной ночи явно был бы неплох...»

«Но я ведь боялся, что он этого не захочет? И что в итоге?»

«В итоге оказалось, что Старина У вовсе не прочь разделить со мной ложе, просто он не хочет делать это абы как»

Чжун Цай вспомнил само признание. Тогда он ничего не замечал, но теперь, прокручивая сцену в памяти, понял: выглядел он как полный кретин! Мало того что глаза вытаращил, так еще и рот разинул. В итоге он не выдал ни слова, только слушал, что говорил У.

А Шаоцянь сказал, что надеется, что он хорошенько подумает, не хочет ли он начать встречаться по-настоящему.

— ... — Чжун Цай замер.

Учитывая их отношения, «встречаться», конечно, можно! Разве в этом были сомнения? Просто он понимал: Шаоцянь делал акцент на «любви», а не на самом факте «отношений».

И тут возникал вопрос.

Юноша перевернулся на бок.

«Я жажду тела Старины У, но люблю ли я его? Именно той любовью, о которой он говорит?»

Чжун Цай перевернулся на другой бок.

«Какие чувства можно назвать любовью? Если понимать это буквально как "человек, занявший сердце", то в моем сердце, безусловно, нет никого, кроме Старины У. Но ведь всё так сложно! Любимый человек и лучший друг! В чем между ними разница?»

Мастер Чжун резко сел и вцепился в волосы. А затем снова рухнул на пол, так что челюсти клацнули.

У Шаоцянь на самом деле не мог сосредоточиться на медитации — всё его внимание было приковано к Чжун Цаю. Хотя он и осознал свои чувства недавно, уверенность в них была

непоколебимой.

Изначально он планировал просто оберегать А-Цая, ведь тот и так решил остаться с ним навсегда, верно? Будут ли они супругами или «железными братьями» — не так уж важно. Ему хватало просто видеть Цая рядом, чтобы быть счастливым, а случайные желания можно было и перетерпеть.

Однако после того, как их сопутствующие сокровища слились, Шаоцянь, осматривая Древний город, видел следы их общих стремлений в каждом уголке. В подсознании А-Цая для него везде было отведено самое важное место... Это привело его в прекрасное расположение духа. Когда А-Цай начал его поддразнивать, он внезапно подумал: «Скажу прямо». Он никогда ничего не скрывал от друга, так зачем таить свои чувства?

Высказавшись, У Шаоцянь даже почувствовал облегчение. А потом... он наблюдал, как А-Цай мучается, взрывает котел, снова мучается, снова взрывает котел, а потом просто пластается по полу, ворочаясь туда-сюда, вцепляясь в волосы и колотясь затылком...

Это выглядело довольно живо и мило.

У Шаоцяня едва заметно дрогнул уголок губ. Неужели его признание так сильно на него надавило?

Давление на Чжун Цая и впрямь было колоссальным. Нет, его чувства не были запутанными, просто он не знал, как их классифицировать. Это было чертовски сложно.

Он лежал на полу, раскинув руки и ноги. В какой-то момент у него появилось безумное желание пойти и спросить у самого Шаоцяня:

«Как ты вообще понял, что любишь меня? С чего это я вдруг стал твоим возлюбленным?»

«Хе-хе. А Старина У, оказывается, тот еще скрытный парень!»

Чжун Цай расплылся в улыбке, но тут же заставил себя стать серьезным. С самого детства он ничего не скрывал от своего друга — за исключением тайны перерождения, которую считал делом прошлого. Они со Стариной У давно стали частями единого целого, неразделимыми! Юноша всегда гордился тем, что в этом мире у него есть такой верный «кореш».

Раз Старина У попросил его подумать, значит, он подумает всерьез. Прежде всего потому, что не хотел причинять ему боль. Настроение Шаоцяня не должно портиться из-за него!

Итак... вернемся к началу.

Чжун Цай перевернулся на живот и прижался лбом к прохладному полу. Нужно освежить голову.

У Шаоцянь впервые видел А-Цая в таком смятении. На миг его охватили сомнения.

«Может, зря я это затеял? Не стоит заставлять его так мучиться»

Хоть он и жаждал по-настоящему определить их статус, но если это слишком тяжело для А-Цая... Настроение У Шаоцяня стало мрачнеть. Он не хотел быть для него обузой.

Молодой человек закрыл глаза, глубоко погрузившись в свои думы. Однако Чжун Цай внезапно вскочил и, зажмурившись, закричал:

— Старина У, сиди смирно! Я сам во всём постепенно разберусь!

Шаоцянь замер. Он осознал, что даже в таком состоянии А-Цай мгновенно почувствовал его упадок сил. Наверное, его чувства к Цаю и выросли из таких вот вещей, копившихся изо дня в день.

Он открыл было рот, но послушно замолчал.

Пока Чжун Цай пытался распутать клубок своих мыслей, он вдруг ощутил дискомфорт. Подсознательно он скосил глаза в сторону бокового зала. Почему не посмотрел прямо? Побоялся столкнуться взглядом! И всё же он заметил, что настроение Шаоцяня стало хуже некуда. Нет, не просто хуже — оно стало мрачным, словно тот решил закрыться в себе.

Юноша тут же разгадал его мысли: Шаоцянь увидел его мучения и решил отступить.

«Отступить?! Ну уж нет! Раз всё уже дошло до этого, если я снова расстрою Старину У, то сам не смогу спать спокойно!»

Чжун Цай поспешил высказаться. Имейте терпение, молодой человек! И не будьте таким уж деликатным!

Чжун Цай задумался. Нужно срочно во всём разобраться, иначе Старина У, глядя на то, как он грызет стены, решит принести себя в жертву ради его спокойствия. А он потом, проснувшись среди ночи, будет корить себя за это. Этот Шаоцянь иногда бывает слишком уж чувствительным.

Сам Чжун Цай считал, что знает Шаоцяня лучше всех, но тот умудрился сменить его статус в своем сердце так тихо, что он и не заметил...

«Ну и тормоз же я», — ругнулся он про себя.

И тут в голову пришла идея. Раз в этой жизни он зашел в тупик, стоит попробовать методы из прошлого мира, чтобы подтвердить чувства. Устроить самому себе допрос с пристрастием.

«Так, вспомним вопросы... Те, что подходят только для парня и девушки, сразу в сторону...»

Чжун Цай уселся поудобнее и начал мозговой штурм.

«Вопрос: Испытывают ли любящие люди влечение друг к другу?»

Чжун Цай скривился.

«Есть, есть, есть. Я много раз ловил себя на мысли, что Старина У выглядит чертовски аппетитно. Но этот вопрос ненадежен — можно хотеть переспать с кем-то, и не любя его»

«Вопрос: Являются ли твои чувства исключительными? Нужен ли тебе именно он и никто другой?»

Юноша хмыкнул.

«Разумеется! Старина У занимает в моем сердце уникальное место. Но и это не показатель — крепкая дружба тоже бывает исключительной. В прошлой жизни я слышал, что девчонки постоянно спрашивают подруг, лучшие ли они у них. Это же вылитые мы с Шаоцянем! У девчонок — подружки, у парней — "кореша"»

«Вопрос: Готов ли ты принимать недостатки партнера, не пытаясь его переделать?»

— ... — Чжун Цай завис.

«Что за idiotский вопрос? У Старина У нет недостатков! Пролетаем»

«Вопрос: Краснеешь ли ты и замирает ли твое сердце при виде него, чувствуешь ли необъяснимую тревогу?»

Чжун Цай закатил глаза.

«Шаоцян такой красавчик, что сердце само собой замирает — это нормальная реакция на прекрасное. Что до волнения... когда во время парного совершенствования становится жарковато, конечно, начнешь нервничать! Но если подумать, это и впрямь странно — ведь даже если он заметит, ничего не случится. Стеснительный у нас Старина У, а не я. Но... это считается?»

«Вопрос: Готов ли ты менять себя ради него?»

Снова захотелось закатить глаза.

«Шаоцян никогда не требовал от меня перемен. А если бы и попросил о чем-то, значит, это было бы необходимо. В таком случае я бы послушался беспрекословно! Но разве это любовь? В прошлой жизни я слушался родителей и старшего брата. Старина У за эти годы стал мне ближе всех, так что это тоже ничего не доказывает»

«Вопрос: Уделяешь ли ты ему особое внимание? Приятно ли тебе с ним, чувствуешь ли ты легкость? Готов ли ты тратить время и силы на общение с ним?»

Чжун Цай ответил утвердительно, но не видел в этом проблемы.

«С лучшим другом всегда так. Разве не говорят, что мужикам всегда есть о чем поболтать с "корешами"? Раньше мужчины тоже любили часами просиживать с друзьями за разговорами»

«Вопрос: Готов ли ты на жертву ради него?»

«Жертва? Да я готов жизнь отдать за Старину У! И я верю, что он поступил бы так же. Но на то и нужны "кореша", чтобы стоять друг за друга насмерть. Разве это основание называть чувства любовью?»

«Вопрос: Оказывает ли его присутствие на тебя положительное влияние?»

«Безусловно. Я помню каждую мелочь с самого детства: с тех пор как я встретил Старину У, он влиял на меня только положительно. Но ведь и друзей мы выбираем таких, чтобы они приносили пользу. Если друг не влияет на тебя положительно, то это не друг, а собутыльник»

Перебрав в уме целую гору вопросов, Чжун Цай выругался.

«Ерунда какая-то! Никакого толка!»

Он едва не опрокинул стоящий рядом алхимический котел. Так юноша мучился, ломая голову и пытаясь найти то самое различие. Мозги словно зацементировало.

Чжун Цай приник к полу, вытащил листок бумаги и быстро нацарапал несколько строк. Затем дунул на него, и листок, порхая, полетел в сторону бокового зала.

У Шаоцянь поймал листок и развернул его. Там было написано:

«Старина У, у меня в голове всё переклинило, пойду прогуляюсь. Ты только не накручивай себя, я просто проветрюсь и во всём разберусь. Зал еще оплачен, помедитируй пока. Как только надумаю — сразу скажу! Не верю я, что не смогу это понять!!»

Взгляд Шаоцяня смягчился, на губах заиграла едва заметная нежная улыбка.

Чжун Цай краем глаза наблюдал за реакцией мужа.

«Ого! Ну и выражение лица... Раньше я не задумывался, но сейчас это выглядит почти приторно. С друзьями так не сюсюкают»

Он снова погрузился в воспоминания. Раньше они со Старинной У постоянно мутузили друг друга, и тот частенько над ним подтрунивал. Но когда это изменилось? Когда Шаоцянь стал прислушиваться к нему во всём? Нет, не просто прислушиваться. Шаоцянь стал покладистым до невозможности!

Чжун Цай резко выдохнул.

«Погодите-ка! Кто будет во всём потакать просто другу?! В голове всплыло только одно слово: подкаблучник! Неужели я для Старинной У — мужняя жена?»

Юноша был потрясен. До того как они поженились, Шаоцянь был за него горой, но когда он стал таким послушным? Раньше У мог и поспорить, и соревноваться, у кого голова крепче при ударе! А теперь... хоть он и подшучивает над ним, это больше похоже на... заигрывания?

Чжун Цай почесал в затылке. Кажется, истина была где-то рядом. Если бы Шаоцянь не признался, он бы списал это на психологическую травму после потери сил или на неуверенность — мол, У боится, что он уйдет, и ему нужно больше чувства безопасности. Но теперь всё виделось в ином свете.

Вскоре от У Шаоцяня прилетел ответный листок. Чжун Цай поспешно схватил его. Сердце забилось чаще, пришлось даже прижать ладонь к груди. Он чувствовал странное, необъяснимое волнение.

На листке было всего две строки:

«Слушаюсь. Жду тебя»

Чжун Цай «со» выскочил из зала, выронив записку. Та закружилась в воздухе, словно бабочка. Он закрыл лицо руками.

«Черт. Лицо пылает. И жар, и сердцебиение — полный комплект!»

На улицах города было шумно. Прошло всего несколько дней после звериного прилива, и народ еще не успокоился. Повсюду обсуждали результаты аттестации семей. Раньше Чжун Цай непременно влез бы в самую гущу событий, но сейчас его волновало только одно: любит ли он Старину У.

Он бродил по городу, не замечая времени. Юйцзяо был огромен, улицы сменяли одна другую.

Юноша забредал в незнакомые кварталы, но это его не заботило. Он просто гулял, не имея четкой цели.

Спустя час бесцельных блужданий за спиной раздался неуверенный голос:

— Мастер Чжун?

Чжун Цай обернулся. Это был Шао Цин.

— Старший Шао, — вяло поприветствовал его Цай.

Шао Цин подошел ближе, удивленно оглядываясь. Он не сразу решился окликнуть юношу, потому что не увидел рядом У Шаоцяня. И действительно, Чжун Цай был один. Но почему?

Тот заметил его реакцию. Раньше он бы подумал: «Ну, крепкая дружба — это когда двое всегда вместе, разве нет?» Но теперь эта мысль казалась сомнительной. Дружбу и брак... кажется, их не стоит сравнивать?

Шао Цин быстро пришел в себя и участливо спросил:

— Мастер Чжун, брат У ранен? Что-то серьезное?

Чжун Цай промолчал. Выходит, в глазах даже такого знакомого Старина У мог не быть рядом с ним только из-за тяжелой раны. Какая-то нелепость. Друзья не обязаны так опекать друг друга. Так опекают только жен.

Юноша хмыкнул и покачал головой. Мужчина тут же виновато замолчал, его взгляд стал сочувствующим. Он держался на вежливом расстоянии, словно боясь задеть чувства собеседника.

Чжун Цай помрачнел еще больше. Он прекрасно понял, о чем подумал Шао Цин: они со Старинной У поссорились! Тот, видя его молчание, замялся, явно желая утешить, но не зная, как это сделать.

— Брат Шао, пойдем выпьем чаю, — предложил наконец Чжун Цай.

Тот не стал отказываться. Чжун Цай был выдающимся мастером пилюль, и хоть между ним и братом У пробежала кошка, Шао Цин верил: такие любящие супруги не смогут долго дуться друг на друга. Если он поможет им помириться, это только укрепит их отношения.

Они устроились за столиком уличной чайной. Обычно для таких встреч выбирают уединенные чайные дома, но Чжун Цай предпочел людное и открытое место — Шаоцзянь ведь не было рядом.

Юноша задумчиво вертел в руках чашку. Собеседник сделал глоток и завел разговор на нейтральную тему:

— Вы уже слышали? Результаты аттестации объявлены.

Чжун Цай без особого интереса поднял глаза. Шао Цин продолжил, пытаясь разрядить обстановку:

— В этот раз семьи Бай и Цяо шли ноздря в ноздю. Инспекторы долго не могли принять решение. В итоге они оценили внешние связи семей и после тщательного анализа вынесли вердикт. Семей Жёлтого ранга стала именно семья Бай.

Чжун Цай машинально кивнул. Будь Старина У рядом, он бы уже вовсю переглядывался с ним и строил рожи. А перед ним сидел Шао Цин. Так что эта новость была для него лишь обычным слухом.

Тот заметил его вялую реакцию, но не удивился. Лишь вздохнул про себя: «Такая крепкая любовь, а всё равно ссорятся. Мастер Чжун совсем приуныл».

Чтобы хоть как-то поддержать беседу, Шао Цин рассказал еще несколько подробностей: как радовались одни и как горевали другие, и что семья Цяо в итоге признала решение инспекторов справедливым. Отношения между кланами остались нормальными.

— Понятно, — безучастно отозвался Чжун Цай.

Собеседник решил, что пора переходить к делу, и осторожно спросил:

— Мастер Чжун, неужели брат У совершил какую-то оплошность?

— Старина У не совершал никаких оплошностей! — тут же выпалил Чжун Цай.

Шао Цин вскинул брови. Ого, чувства всё еще сильны. Юноша понял, что среагировал слишком резко.

— Раз брат У ни в чем не виноват, почему же вы так печальны? — мягко спросил мужчина. —

Если хотите, можете поделиться со мной.

Чжун Цай не собирался открывать душу никому, кроме Шаоцяня. Но чувства — это единственное, о чем он не мог спросить у самого У. Поразмыслив, он решил немного присочинить.

— Благодарю за заботу, старший Шао. У меня и впрямь есть повод для раздумий. Дело не в том, что Старина У меня разозлил. Это я его расстроил.

— Вот как? — подбодрил его Шао Цин.

— Мы с Шаоцянем росли вместе. Сначала были просто лучшими друзьями, а потом поженились.

Тот улыбнулся:

— Теперь понятно, почему ваши узы так крепки.

Чжун Цай вздохнул:

— Но на днях Старина У вдруг заявил, что я до сих пор вижу в нем только брата. Я пытался переубедить его, приводил кучу доводов...

Шао Цин внимательно слушал.

— Я перечислил всё, что нас связывает, но Старина У сказал, что всё это бывает и между настоящими братьями.

Чжун Цай пересказал ему свои недавние раздумья, адаптировав их под местные понятия. Мужчина слушал, и его брови то и дело ползли вверх.

— У каждого из вас своя правда, — произнес он наконец. — Бывает, что супруги так близки, что их отношения описывают как братские.

Чжун Цай кивнул:

— Но я хочу, чтобы он был счастлив. Я уже не знаю, какие еще доводы привести. Может, у вас есть какие-то соображения?

Собеседник всю жизнь прожил один. Так что экспертом в делах сердечных он не был. Но он понимал: дельный совет сейчас станет огромным вкладом в их дружбу.

— Позвольте мне подумать, мастер Чжун.

Тот не особо надеялся на помощь, он просто искал вдохновения. Юноша отпил чаю, гадая, чем сейчас занимается Шаоцянь... Перед уходом У настоял, чтобы он взял с собой Древний город в виде пылинки. Мол, так безопаснее. Старина У так заботится о нем! Старина У его любит!

Шао Цин на другом конце стола напряженно размышлял и вдруг заметил, как Чжун Цай улыбнулся. Это была естественная, сияющая улыбка, вызванная какими-то мимолетными мыслями. Мужчина не сомневался: тот думал об У Шаоцяне. Он про себя восхитился: «Надо же, как они привязаны друг к другу. Дажессорятся так, что окружающим неловко».

И тут его осенило. Шао Цин привлек внимание даньши:

— Брат Чжун, кажется, я кое-что придумал.

Тот выжидающе посмотрел на него.

— В семьях, сектах и среди вольных практиков браки заключаются по-разному. В знатных семьях это чаще союзы ради продолжения рода, там и жены, и наложницы... Вольные практики просто сходятся, а в сектах чаще становятся спутниками на Пути — дао-лю.

Всё это Чжун Цай и так знал. Мужчина быстро подвел итог:

— Я слышал, что настоящая любовь не обходится без ревности. Если чувства искренни, никто третий не допускается. Раз вы с братом У так близки, вы ведь наверняка не потерпите рядом с ним никого другого? Не позвольте ему иметь красавиц на стороне или наложников?

Чжун Цай замер, словно пораженный громом. В этот миг до него дошло то, что он упускал. Когда он спрашивал себя об «исключительности», он думал о дружбе — ведь друзья тоже могут ревновать. Но слова собеседника расставили всё по местам. Чжун Цаю нужно было спросить себя напрямую.

«Вопрос: Если Старина У влюбится в кого-то другого, женится на ком-то другом, будет спать с кем-то другим и разведется со мной... что я почувствую?»

Чжун Цай едва не задохнулся от негодования.

«Да к черту всё это! Абсолютно исключено! Категорически нет!»

Шао Цин увидел, как лицо Чжун Цая резко изменилось. Он не сразу понял, что произошло. Тот поспешно кивнул ему, поблагодарил, бросил на стол деньги за чай и, не тратя времени на долгие прощания, сорвался с места. Он бежал так, словно за ним гнались демоны.

Мужчина остался в недоумении, но быстро решил, что его совет пришелся как нельзя кстати. Мастер Чжун явно поспешил воплотить его в жизнь. Скоро эти двое снова будут неразлучны.

Шао Цин тоже встал и направился к дому. Семья Шао была неподалеку, он как раз собирался вернуться в клан, когда случайно увидел Чжун Цая. Тот понимал, что даньши еще не приступал к его заказу, но в такой ситуации это было объяснимо. Скоро всё наладится, и Чжун Цай наверняка не забудет его помощи.

Чжун Цай бежал со всех ног. На душе вдруг стало светло и ясно. Ветер свистел в ушах, развеивая его длинные волосы и разгоняя туман в голове. Собеседник был чертовски прав! Стоило посмотреть на ситуацию под другим углом, как всё изменилось.

Он вспомнил тот день, когда только-только вышел замуж за Шаоцяня. Тогда все его помыслы были направлены лишь на то, чтобы спасти тому жизнь. Когда они впервые оказались в одной постели, это было лишь средством исцеления. Чжун Цай тогда не думал ни о чем другом. Он даже шутил, что когда Шаоцяню станет лучше, и он встретит свою настоящую любовь, он с радостью уступит место. Ведь они лучшие друзья! Железные братья! Подумаешь, переспали — это не важно, главное, чтобы Старина У был счастлив!

Сам юноша к делам сердечным интереса не питал, и даже когда Шаоцянь убеждал его не торопиться, он не видел в его словах подвоха. Ему казалось, что это просто взаимная забота. Несокрушимая мужская дружба!

Но время шло, и они почти не расставались. Чжун Цай не смотрел на других, но и свои чувства к У не анализировал. Для него Шаоцянь был просто Шаоцянем, единственным. И он больше никогда не думал о том, что У может встретить кого-то другого... Подсознательно он был уверен, что они всегда будут вместе. И У больше никогда не заводил разговоров о каких-то там девицах.

Чжун Цай мчался вперед, его разум был чист как никогда. Он понял, почему Шаоцянь больше не вспоминал о девушках. Возможно, еще до того, как тот сам всё осознал, он уже отвергал любую мысль о ком-то другом. Позже он, должно быть, начал что-то подозревать и стал еще более терпимым. А он сам...

Юноша на бегу анализировал свои чувства. Когда именно он перестал допускать мысль о том, что у Шаоцяня будет другая жена или дети? Он просто не хотел этого. Он категорически не желал, чтобы У любил кого-то другого.

Если бы он всё еще видел в Старине У только друга, он, возможно, почувствовал бы легкую досаду или ревность, увидев рядом с ним другого близкого человека. Но настоящий друг в конце концов смирился бы и пожелал счастья!

Чжун Цай расплылся в широкой улыбке. Но теперь он понимал: даже если бы Шаоцянь по-прежнему считал его самым близким человеком... смог бы он с этим смириться? Нет! Если бы Старина У полюбил кого-то другого, если бы он захотел спать с кем-то другим... Юноша чувствовал, что одна только мысль об этом заставляет его закипать от ярости!

Нет, нет и еще раз нет! Друзья так себя не ведут. В дружбе не бывает такой жажды обладания. Друзья не думают друг о друге каждую минуту в разлуке. И уж точно друзья не начинают глупо улыбаться, просто вспомнив о товарище!

Чжун Цай тряхнул головой, отгоняя те нелепые, злящие его картины. Вместо них хлынули воспоминания о бесчисленных счастливых моментах. Мелкие детали, на которые он раньше не обращал внимания, теперь обрели новый смысл. У них с Шаоцянем было столько прекрасного!

И дело было вовсе не в красоте Шаоцяня. Он ценил каждый миг, каждое движение души своего мужа не только потому, что тот был его «железным братом». Если подумать... он даже родителей и брата так хорошо не понимал! Те понимали друг друга, а он, Чжун Цай, лучше всех на свете понимал Шаоцяня!

Он был готов прыгать от восторга. Вложив все силы в бег, он чувствовал, что вот-вот взлетит. Старина У признался ему в любви! Старина У его любит! И он тоже любит Старину У!

Чжун Цай примчался к тренировочному залу. Уходя, он предусмотрительно предупредил управляющего, так что у него был при себе жетон. С его помощью он мгновенно открыл дверь. Он ворвался в комнату подобно урагану и с размаху захлопнул за собой дверь. Грохот эхом разнесся по залу.

У Шаоцянь сидел в той же позе. Его сердце не было на месте, он не мог по-настоящему сосредоточиться на медитации. Все его мысли были только об А-Цае. Что тот решит? Какой ответ принесет? Как долго придется ждать?

Внезапно прогремел удар двери. Он тут же обернулся. В комнату влетел взмыленный, запыхавшийся Чжун Цай. Шаоцянь хотел было что-то сказать, но не успел — юноша с разбегу бросился на него. Молодой человек едва успел подхватить его. И в ту же секунду услышал звонкий, радостный голос:

— Старина У! Давай переспим!

У Шаоцянь замер, широко распахнув глаза.

Влетев в комнату, Чжун Цай видел только своего мужа. Тот сразу заметил его. Ощущение было потрясающим! Раньше Шаоцянь всегда первым чувствовал его появление... Но теперь всё было иначе! Чувства юноши изменились, и мир вокруг стал другим! Глядя на красивое лицо мужа, он чувствовал небывалый прилив сил. Этот красавец был еще прекраснее, чем раньше! И этот красавец теперь был его — по-настоящему!

В голове Чжун Цая билась только одна мысль: слова не могут выразить его чувства. Старина У — его, и он хочет быть с ним! Он всегда был прямолинеен, и сейчас не собирался юлить. Старина У ведь поймет, верно? Без любви спать нельзя, но теперь-то они любят друг друга!

У Шаоцянь был в полнейшем шоке. А-Цай, он что... Но тут он кое-что понял. Он посмотрел на сияющего мужа и всё осознал. Молодой человек поддался его натиску и повалился на спину. Чжун Цай навис над ним, одной рукой нетерпеливо дергая свой пояс, а другой распахивая одежду мужа.

— ... — У Шаоцяню эта сцена показалась до боли знакомой. Почти как в их брачную ночь.

Только тогда он был напуган до смерти. А сейчас он крепко обнял своего А-Цая и одним точным движением сам разорвал на нем одежду. Он не собирался медлить.

<http://bllate.org/book/15860/1502586>